

Александр Баженов

Семь сфер. Книга XIII.
Музыка сфер

Александр Баженов

Семь сфер. Книга

XIII. Музыка сфер

<https://litres.ru/74236658>

SelfPub; 2026

Аннотация

Артём и Алиса учили людей здоровью, счастью, любви. Но тринадцатая книга открывает новую грань реальности: всё во вселенной звучит. Сферы — это не только источники энергии, но и струны. У каждой своя нота. Когда все семь звучат в унисон, рождается Музыка Сфер — древняя гармония, держащая миры. Но гармония нарушена. Из Мира Безмолвия приходят Диссонанты — существа, сотканые из тишины. Они не злы, они испуганы: наша музыка причиняет им боль. Их антирезонанс разрушает здоровье людей, расстраивает сферы, сеет хаос. Вместе с союзниками — Киннарами, Эриниями, Стражами Пробуждения, элементариями — Артём и Алиса готовят Концерт Миров, чтобы не сражаться, а учить. Алиса создаёт «звучащие» картины, Арон-скрипач — «Мелодию Единства». Цитаты Пифагора, Кандинского, Бетховена, Кейджа переплетаются с лирическими отступлениями о вибрации как языке вселенной. Кульминация — Симфония Света, где каждый сам становится нотой.

Содержание

Оглавление	4
Предисловие	7
Глава 1. Неслышимая мелодия	10
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Семь сфер. Книга XIII. Музыка сфер

Оглавление

Глава 1. Неслышимая мелодия Весна приходит раньше срока. Пчёлы деда Егора гудят на частоте Муладхары. Алиса замечает, что её сферы начали звучать — каждая на своей ноте. Появление слепого музыканта Арона: он потерял внутренний звук, его сферы расстроены. Артём видит его ауру — семь сфер как семь струн, звучащих не в лад. Первое обнаружение Диссонантов в ноосфере. Сон об оркестре и дирижёре без лица. Цитаты Пифагора, Бодлера, Кандинского, Хелен Келлер.

Глава 2. Какофония Пациенты жалуются на шум в ушах, головные боли, фальшивое пение внутри. Артём диагностирует: их сферы расстроены внешним антирезонансом. Михаил привозит спектрограф «Гармония» — прибор, визуализирующий вибрации сфер. Данные показывают: диссонанс вырос на семьдесят процентов после солнечного затмения. Контакт со Стражами Пробуждения. Алиса создаёт первую «звучащую» картину. Цитаты Юнга, Теслы, Стравинского, Бернштейна.

Глава 3. Оркестр Сфер Совет союзников под старым

дубом. Чхая рассказывает историю Силенциума и Великого Раскола. Решение не сражаться, а учить. Подготовка к Концерту Миров: Киннары настраивают лютни, Эринии учатся петь, Арон репетирует «Мелодию Единства», Алиса работает над серией «Семь нот радуги». Элементали готовят квантовую симфонию. Цитаты Цицерона, Филолая, Сапольски, Малера.

Глава 4. Уроки тишины Путешествие в Силенциум. Атмосфера абсолютной тишины. Первая встреча с Сайленсом. Арон почти теряет сознание — его сферы гаснут без звука. Артём и Алиса приглушают свои вибрации. Алиса рисует тихую колыбельную. Сайленс плачет — впервые за тысячелетия. Его слёзы заставляют серую землю светиться. Возвращение. Цитаты Кейджа, Бонхёффера, Дебюсси, Руми.

Глава 5. Концерт миров Долина Тысячи Лотосов. Семь нот Арона. Киннары, Эринии, Стражи, элементали, Архитектор и Маара — каждый вступает в свою ноту. Диссонанты слушают. Сайленс обретает лицо. Над Долиной возникает звучащая радуга. Музыка Сфер становится видимой и слышимой одновременно. Цитаты Бернштейна, Филолая, Малера, Манделы.

Глава 6. Фальшивая нота Появление Крикуна. Атаки на старые травмы: Арон, Элеос, Сергей, Анна, Екатерина, Вера, Георгий. Уроки самопознания. Элеос встречается со своей тенью — Мегерой — в сне, созданном Архитектором. Принятие тени. Крикун появляется лично. Разговор о при-

роде музыки. Крикун впервые чувствует тепло. Цитаты Юнга, Миллер, Роджерса, Паскаля, Энрайта.

Глава 7. Симфония света Яблоневый сад. Все союзники и ученики собираются под дубом. Симфония начинается с тишины. Спонтанная гармония: каждый издаёт свой звук, и постепенно звуки сливаются. Звучащая радуга. Индивидуальные моменты для каждого персонажа. Крикун чувствует вибрацию в такт. Прощание с гостями. Артём и Алиса на крыльце. Цитаты Эмерсона, Сарасвати, Бубера, Тейяра де Шардена.

Послесловие О Музыке Сфер, тишине и звуке. О преображении. О любви. О свете, который не гаснет.

Словарик Имена, термины, цитаты, уникальные выражения.

Предисловие

Эта книга — тринадцатая в серии «Семь сфер». Тринадцать — число, которое многие считают несчастливым. Но для нас оно особенное. Это число трансформации. Число перехода от старого к новому. Число, в котором заканчивается один цикл и начинается другой.

После двенадцати книг о пробуждении, битвах, исцелении, счастье и любви мы подошли к тому, что лежит в основе всего. К звуку. К вибрации. К музыке.

Всё во вселенной вибрирует. Каждая частица. Каждая звезда. Каждая душа. И когда вибрации совпадают, рождается гармония. Когда расходятся — какофония. Древние называли это Музыкой Сфер — неслышимой мелодией, которая держит космос в равновесии. Пифагор верил, что планеты, вращаясь, издают звуки, и только посвящённые могут их услышать.

Эта книга — о том, как научиться слышать. Не ушами — сферами. Не звук — вибрацию. Не музыку — жизнь.

Артём и Алиса, прошедшие через двенадцать книг, открывают новую грань реальности. Их сферы, всегда бывшие источниками энергии и исцеления, вдруг начинают звучать. Каждая — на своей ноте. Красная Муладхара — низкий гул, до. Оранжевая Свадхистхана — тёплое журчание, ре. Жёлтая Манипура — чистая труба, ми. Зелёная Анахата — бар-

хатный альт, фа. Голубая Вишудха — прозрачная флейта, соль. Синяя Аджна — загадочная арфа, ля. Фиолетовая Сахасра — бесконечный орган, си.

Семь нот. Семь цветов. Семь сфер. Семь миров, которые должны звучать в унисон.

Но гармония нарушена. Из Мира Безмолвия — Силенциума, где музыка была запрещена тысячелетия назад, — приходят Диссонанты. Существа, сотканные из тишины. Они не злы — они испуганы. Наша Музыка Сфер причиняет им боль. И они защищаются единственным известным им способом: глушат её. Создают антирезонанс. Разрушают гармонию.

Эта книга — о том, как не сражаться с теми, кто боится, а учить их. Как превращать врагов в учеников. Как строить мосты между мирами — не мечами, а музыкой. Не криком, а колыбельной.

И ещё эта книга — о тишине. О том, что тишина и звук — не враги, а партнёры по танцу. Без пауз музыка превращается в шум. Без тишины слова теряют смысл. Без молчания любовь становится болтовнёй. Диссонанты научили нас этому — сами того не желая.

Здесь вы встретите старых друзей: Такшаку, Адитью, Сингу, Архитектора и Маару, Эриний, Стражей Пробуждения, элементарей, Чхаю, Ригдена Джапо. И новых: Арона, слепого музыканта, который видит музыку; Сайленса, предводителя Диссонантов, который плачет впервые за тысячелетия;

Крикуна, непримиримого врага гармонии, который впервые чувствует тепло.

Здесь будут Концерт Миров и Симфония Света. Будут звучащие картины и квантовые симфонии. Будут слёзы и смех, страх и надежда, потери и обретения.

Это книга о музыке. Но на самом деле она — о любви. Потому что любовь — это и есть Музыка Сфер. Самая тихая. Самая громкая. Самая вечная.

Добро пожаловать в тринадцатую книгу. Настройте свои сферы. Закройте глаза. Слушайте.

Глава 1. Неслышимая мелодия

Март пришёл в Ольховку неожиданно рано. Снег сошёл за неделю, и яблоневоый сад, ещё вчера стоявший голым и чёрным, вдруг оделся в белую пену. Алиса стояла под старым дубом и смотрела на цветущие ветви, и её лицо было задумчивым. Я подошёл сзади и обнял её за плечи.

— О чём думаешь?

— О том, что в этом году всё иначе, — ответила она, не оборачиваясь. — Цветы распустились на две недели раньше. Слышишь пчёл?

Я прислушался. Пчёлы деда Егора гудели над садом, но их гул действительно был другим. Не просто жужжание — в нём появился ритм. Как будто они не просто летали, а пели. Точнее, гудели на одной ноте — низкой, вибрирующей, почти осязаемой. Я чувствовал эту вибрацию не ушами — позвоночником. Она отдавалась где-то в основании, в том самом месте, где пульсирует красная сфера.

— Они гудят на частоте Муладхары, — сказал я, сам удивляясь своему открытию. — Красная сфера. Корень. Частота земли.

— Вот именно! — Алиса повернулась ко мне. Её серые глаза с янтарными крапинками сияли. — Я тоже это почувствовала. Мои сферы... они звучат. Не просто пульсируют, как раньше. Звучат. Каждая на своей ноте.

Она взяла меня за руку, и я закрыл глаза, настраиваясь на её ощущения через кварцевый кулон. И действительно: семь сфер Алисы вибрировали, как семь струн. Красная Муладхара гудела низко, как виолончель — я чувствовал эту вибрацию в костях. Оранжевая Свадхистхана звучала выше, теплее, как журчание ручья. Жёлтая Манипура — чисто, звонко, как труба, зовущая к действию. Зелёная Анахата — мягко, бархатно, как альт. Голубая Вишудха — прозрачно, как флейта. Синяя Аджна — загадочно, как арфа, перебирающая невидимые струны. Фиолетовая Сахасрара — бесконечно, как орган, уходящий в небо.

— Это Музыка Сфер, — прошептал я. — То, о чём говорили древние.

— «Сферы небесные, вращаясь, рождают звук, — процитировала Алиса. — И звук этот столь совершенен, что смертные уши не способны его воспринять. Но душа — слышит».

— Пифагор. Его ученики говорили, что он единственный из людей слышал Музыку Сфер. Теперь я понимаю, что это не метафора.

О Пифагоре и Музыкае Сфер

Пифагор Самосский, живший в шестом веке до нашей эры, был не только математиком, но и мистиком. Он верил, что числа правят миром. Что расстояния между планетами подчиняются тем же пропорциям, что и музыкальные интервалы — октава, квинта, кварта. Что космос — это огромный музыкальный инструмент, на котором игра-

ет сам Логос. «Всё есть число, — говорил он. — И всё есть звук».

Его школа в Кротоне была не просто философским кружком. Это была община, где ученики начинали день с пения гимнов, а заканчивали — медитацией на гармонию. Пифагор лечил музыкой: он подбирал мелодии, соответствующие состоянию души, и с их помощью возвращал равновесие. Он знал, что каждая нота резонирует с определённой частью тела. Дó — с корнем, с костями. Ре — с эмоциями, с водой в организме. Ми — с волей, с солнечным сплетением. Фа — с сердцем. Соль — с горлом. Ля — с третьим глазом. Си — с короной, с высшим.

Современная наука только начинает понимать то, что он знал интуитивно: вибрация меняет материю. Звук меняет сознание. Частота исцеляет. «Гармония — это единство многого и согласие разногласного», — писал пифагорец Филолай. И это определение как нельзя лучше подходит к тому, что мы с Алисой чувствовали в саду.

Бабушка, конечно, не читала Филолая. Но она говорила то же самое: «Всё в мире поёт, Тёмочка. Деревья поют, ветер поёт, звёзды поют. Просто мы разучились слышать. Слушай сердцем — услышишь».

Вечером того же дня к нам пришёл дед Егор. Он явился не как обычно — с мёдом или гармошкой, — а встревоженный. Его обветренное лицо было озадаченным.

— Фельдшер, — сказал он, теребя шапку в руках. — С

пчёлами что-то не то.

— А что с ними?

— Они гудят не так. Раньше гудели каждый сам по себе. Одна пчела — один звук. Другая — другой. А теперь... — он замялся, подбирая слова. — Как по команде. Как будто у них дирижёр появился. Все на одной ноте. И нота эта... — он прижал руку к пояснице, — вот здесь отдаётся. В самом низу.

— В основании позвоночника? — уточнил я.

— Точно. Откуда вы знаете?

— Потому что эту же ноту слышу я. И Алиса. И, кажется, весь сад.

— «Природа — это храм, где живые колонны порой издают невнятные звуки», — процитировала Алиса.

— Бодлер. Французский поэт. Он писал о соответствиях — о том, что цвета, звуки и запахи перекликаются друг с другом. Что всё в мире связано. Что лес — это храм, а деревья — колонны, и они поют.

— Вот-вот, — закивал дед Егор. — Поют. И пчёлы мои поют. Только я не пойму — хорошо это или плохо?

— Это... ново, — ответил я. — И нам нужно понять, что это значит.

О языке природы

«Природа говорит с нами на тысяче языков, — писал философ и натуралист Генри Дэвид Торо. — Но мы разучились их понимать. Мы слышим шум ветра, но не слышим

его слов. Мы видим полёт птиц, но не видим их узоров. Мы чувствуем запах цветов, но не чувствуем их посланий».

Древние люди жили в постоянном диалоге с природой. Они знали, что птицы предупреждают о грозе, что пчёлы танцуют, сообщая о найденном мёде, что деревья стонут перед бурей. Они не просто наблюдали — они слушали. И природа отвечала им.

«Пчела — это священное насекомое, — писала исследовательница мифологии Мария Гимбутас. — В древних культурах она была посредником между мирами. Её жужжание считалось голосом богини. Её мёд — пищей бессмертия». Дед Егор, сам того не зная, прикоснулся к этой древней мудрости. Его пчёлы действительно пели. И их песня была частью чего-то большего.

Дед Егор ушёл, а на смену ему явился новый пациент. Я сразу понял, что он не из Ольховки — слишком прямая спина, слишком точные движения. Он вошёл, держа в руках футляр со скрипкой, и сел на стул, не спрашивая разрешения. Его глаза были закрыты. Не зажмурены — а именно закрыты, как у человека, который давно не нуждается в зрении.

— Вы фельдшер Артем? — спросил он. Его голос был низким и чистым, как звук хорошо настроенного инструмента. Казалось, даже воздух вокруг него вибрировал в такт.

— Да. А вы?

— Меня зовут Арон. Я музыкант. Вернее, был им.

— Почему «были»?

— Потому что я потерял звук. — Он положил футляр на колени и открыл его. Внутри лежала скрипка — старая, с потёртым лаком, но любовно отполированная. Дерево сияло, как янтарь. — Не слух. Слух у меня отличный. Я потерял звук внутри. Раньше, когда я играл, каждая нота светилась. Понимаете? Не в переносном смысле — в прямом. Я слеп от рождения, но я видел музыку. Цвета, линии, образы. Когда я брал до, я видел красный. Ре — оранжевый. Ми — жёлтый. Фа — зелёный. Соль — голубой. Ля — синий. Си — фиолетовый. А теперь — темнота. Я играю, и ничего не происходит. Просто звук. Мёртвый. Пустой.

— Давно это началось?

— Месяца два назад. Сначала я думал — усталость. Перерыв. Потом — болезнь. Но врачи разводят руками. Говорят — со слухом всё в порядке. С нервной системой — в порядке. С головой — в порядке. Но я-то знаю: что-то сломалось. Что-то внутри.

Он взял скрипку и провёл смычком по струнам. Звук был чистым, но... пустым. Как будто за ним ничего не стояло. Как будто нота была произнесена, но не прожита.

— Раньше, — тихо сказал он, — когда я играл, люди исцелялись. Слепые говорили, что видят свет. Глухие — что слышат. Ко мне приезжали отовсюду. Я не брал денег — зачем они мне? Я просто играл. И мир становился лучше. А теперь... — он опустил скрипку. — Теперь я бесполезен.

— «Врачи лечат тело, но не душу, — процитировала Али-

са, сидевшая в углу с альбомом. — А душа часто болеет тише, чем тело».

О синестезии и исцелении

«Синестезия» — от греческих слов «syn» (вместе) и «aisthesis» (ощущение). Это способность воспринимать мир сразу несколькими органами чувств: слышать цвет, видеть звук, осязать запах. Василий Кандинский был синестетиком. Когда он слушал музыку, он видел краски. Когда он смотрел на краски, он слышал музыку. Его картина «Композиция VII» — это не абстракция. Это симфония, застывшая в масле.

Александр Скрябин, русский композитор, создал «Прометей» — симфоническую поэму с партией света. Он записал её в партитуре наравне с нотами. Он верил, что цвет и звук могут слиться в единое произведение искусства, которое преобразит человечество. Он мечтал о «Мистерии» — грандиозном действе, которое объединит все искусства и изменит сознание человечества.

Арон был таким же. Его музыка была не просто звуком — она была светом. И когда этот свет погас, он потерял не просто работу. Он потерял себя.

«Самый страшный вид слепоты — не тот, что поражает глаза, — писала Хелен Келлер, слепоглая писательница. — Самый страшный — когда душа перестаёт видеть». Арон перестал видеть. И ему нужна была помощь.

Я закрыл глаза и активировал Аджну. И то, что я увидел,

заставило меня замереть.

Семь сфер Арона были живы. Они не были заблокированы, как у больных. Они не были тусклыми, как у уставших. Они были... расстроены. Как семь струн, каждая из которых звучит на своей частоте, но не в унисон с другими. Красная гудела слишком низко — я чувствовал эту вибрацию как тяжёлый, давящий гул. Оранжевая дрожала, как перетянутая — ещё немного, и лопнет. Жёлтая была резкой, почти визжащей — она резала слух, как фальшивая труба. Зелёная — глухой, едва слышной — как будто сердце почти остановилось. Голубая — прерывистой — голос то включался, то выключался. Синяя — хаотичной — вместо мелодии — случайные звуки. Фиолетовая — затухающей — как орган, в котором заканчивается воздух.

Это была не блокада. Не истощение. Это была какофония. Оркестр, в котором каждый музыкант играет свою мелодию, не слушая других.

— Арон, — сказал я, открывая глаза. — Ваши сферы расстроены. Как скрипка, которую не настраивали много лет.

— Сферы? — он нахмурился. — Вы имеете в виду чакры? Я знаю о них. Я даже пробовал медитировать.

— Пробовали. Но этого мало. Ваши сферы не просто заблокированы — они звучат не в лад. Вы музыкант. Вы знаете, что такое диссонанс.

— Диссонанс? — он вдруг оживился. — Это когда две ноты не совпадают. Когда интервал между ними режет слух.

В музыке диссонанс требует разрешения — перехода в консонанс, в гармонию.

— Именно. Ваши сферы сейчас — как диссонанс, который не разрешается. Как аккорд, который повис в воздухе и не хочет превращаться в гармонию.

— Но почему? Что случилось?

— Не знаю. Но это не случайность. — Я помолчал. — Арон, что произошло два месяца назад? В вашей жизни, не в музыке?

Он долго молчал. Его пальцы гладили скрипку, как гладят живое существо.

— Я перестал слышать отца, — сказал он наконец. — Он умер, когда мне было двенадцать. Но я всегда слышал его. Не голос — присутствие. Когда я играл, он был рядом. Я чувствовал его. А два месяца назад... он ушёл. Совсем. Как будто кто-то выключил звук.

— И вместе с ним ушла музыка?

— Да. — Он поднял лицо, и я увидел, что по его щекам текут слёзы. — Я остался один. В темноте. В тишине.

Я переглянулся с Алисой. Она кивнула.

— Арон, — сказал я. — Я не обещаю, что верну вам отца. Но я обещаю, что помогу вам снова услышать музыку. Не ту, что снаружи. Ту, что внутри.

— «Музыка — это посредник между жизнью духа и жизнью чувств», — процитировала Алиса.

— Бетховен. Он был глухим, но он слышал музыку внут-

ри. Вы слепы, но вы видели музыку внутри. Может быть, вы просто перестали слушать. Не ушами. Сердцем.

Арон долго молчал. Потом взял скрипку и заиграл. Не «Мелодию Единства», не сложную симфонию. Простую, тихую мелодию — колыбельную. И в этой колыбельной, если прислушаться, можно было различить что-то. Едва заметное. Как будто кто-то далеко-далеко подпевал.

— Я слышу, — прошептал он. — Почти. Как будто за стеной кто-то поёт. Тихо. Но я знаю, что он там.

— Это ваша душа, — ответил я. — Она всегда пела. Просто вы перестали слушать.

— А вы?

— Я только учусь.

Мир звучит всегда. Просто мы разучились слышать. Но однажды пчёлы загудели иначе — и мы вспомнили.

О слышании

«Слышать — это не то же самое, что слушать, — писал психолог Карл Роджерс. — Слушать можно ушами. Слышать — только сердцем». Мы привыкли к шуму. Мы окружены им. Но мы разучились слышать тишину. Различать в ней голоса — свои и чужие. Понимать, о чём они поют.

«Умение слышать — это первый шаг к исцелению», — писал врач и исследователь меридианов Йосио Манака. И он был прав. Прежде чем настроить сферы, нужно услышать, где они фальшивят. Прежде чем помочь другому, нужно

услышать, о чём он молчит.

«Слушай тишину, — говорила бабушка. — В ней больше правды, чем в тысяче слов».

Я попросил Арона остаться в Ольховке на несколько дней. Поселил его в гостевом домике — том самом, который мы с Алисой построили для приезжающих учеников. Вечером мы сидели на крыльце, и он играл. Не для нас — для себя. Пытался найти потерянный звук.

Алиса слушала и рисовала. Её карандаш скользил по бумаге, оставляя странные узоры — не портрет, не пейзаж, а что-то абстрактное. Линии переплетались, как звуковые волны. Цвета перетекали друг в друга — она использовала пастель, которую я давно у неё не видел.

— Что ты рисуешь? — спросил я.

— Его музыку, — ответила она. — Вернее, то, что от неё осталось. Вот здесь, — она указала на разрыв в узоре, — диссонанс. Здесь нота не попадает в тон. Здесь сфера молчит.

— Ты это видишь?

— Я это слышу. Мои сферы настроены на его. И я чувствую, где фальшивит.

Я задумался. Если Алиса может слышать диссонанс в сферах Арона, значит, это не единичный случай. Значит, есть что-то, что расстраивает не только его, но и весь мир вокруг. Цветы, распустившиеся раньше срока. Пчёлы, гудящие на частоте Муладхары. Птицы, поющие на новых частотах. И теперь — музыкант, потерявший внутренний звук. Это зве-

нья одной цепи.

Я закрыл глаза и активировал Сахасрару. Фиолетовая сфера раскрылась, и я потянулся вверх — туда, где ноосфера соприкасалась с высшими слоями реальности. То, что я увидел, заставило меня вздрогнуть.

Над Землёй, поверх серебристой паутины ноосферы, появился новый слой. Он был похож на звуковую волну — но искажённую. Как будто кто-то включил музыку, а потом растянул плёнку. Ноты плыли. Ритм сбивался. Гармония распалась на отдельные, не связанные друг с другом звуки.

И в этом слое двигались... существа. Не тёмные, как Эринии. Не светлые, как Стражи Пробуждения. Они были... никакими. Прозрачными. Едва заметными. Они не излучали ни света, ни тьмы — только диссонанс. Как будто сама тишина обрела форму и начала разрушать гармонию. Они двигались медленно, как медузы в толще воды, и оставляли за собой шлейф — рябь, похожую на помехи в радиоприёмнике.

Я открыл глаза.

— Что ты видел? — спросила Алиса.

— Новых гостей. Они не из нашего мира. И они не знают, что такое музыка.

— «Тишина — это не отсутствие звука, — процитировала Алиса. — Тишина — это отсутствие вибрации. А отсутствие вибрации — это смерть».

— Эти существа — они несут тишину. Не живую, как в медитации. Мёртвую. Ту, что предшествует концу.

О живой и мёртвой тишине

«Тишина бывает разной, — писал композитор Джон Кейдж. — Есть тишина, наполненная звуками: дыханием, сердцебиением, шорохом крови в венах. И есть тишина абсолютная — та, что царит в беззвучной камере, где человек слышит только собственное тело и сходит с ума от этого».

Кейдж написал пьесу «433» — четыре минуты тридцать три секунды тишины. Он хотел показать: тишины не существует. Всегда есть звук. Всегда есть вибрация. Всегда есть жизнь. Но существа, которых я видел, были воплощением той самой абсолютной тишины. Они пришли из мира, где музыка была запрещена. Где любое колебание считалось грехом. Где царила гармония — но не живая, а мёртвая. Гармония кладбища.

«Бойтесь не шума, а тишины, — говорила бабушка. — Шум можно перекричать. Тишину — никогда».

Ночью мне приснился сон. Не тот, что раньше — не Город Трёх Лун, не Шамбала. Мне приснился оркестр.

Огромный зал, полный музыкантов. У каждого в руках инструмент — скрипки, виолончели, арфы, флейты, трубы, барабаны. Но никто не играет. Музыканты сидят неподвижно, глядя в пустоту. Их инструменты молчат. А в центре зала стоит дирижёр — без лица, без имени, без формы. Он держит палочку, но не взмахивает ею. Он ждёт.

— Почему они не играют? — спросил я.

— Потому что они не слышат друг друга, — ответил Голос — тот самый, что когда-то говорил со мной о семи сферах. — Каждый слышит только себя. Свою ноту. Свою мелодию. Свою правду. А Музыка Сфер — это когда слышишь всех. Когда твоя нота вплетается в общую гармонию. Этому нужно учиться. И этому нужно учить.

— Кто эти существа? В ноосфере?

— Диссонанты. Они пришли из мира, где нет звука. Они не злы. Они просто не умеют слышать. Ты должен научить их.

— Как? Я не музыкант.

— Ты — целитель. А исцеление — это и есть настройка. Настройка сфер. Настройка душ. Настройка миров. Ты делал это всегда. Просто теперь ты будешь делать это через звук.

— Когда научишься слышать тишину, — продолжил Голос, — услышишь музыку. Когда научишься слышать музыку, услышишь Бога.

Я проснулся на рассвете. Алиса ещё спала. Я вышел на крыльцо и увидел Арона. Он стоял под дубом и играл. И в его музыке — впервые за долгое время — что-то забрезжило. Не свет ещё. Но обещание света. Как первый луч перед рассветом.

— Я почти слышу, — сказал он, не открывая глаз. — Почти. Как будто за стеной кто-то поёт. Тихо. Но я знаю, что он там.

— Это ваш отец, — ответил я. — Он всегда

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.